Хакимов Рашид Шавкатович

кандидат исторических наук
Челябинский государственный университет

СОБСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(на примере мусульманских общин Урала)

Любая идеологическая надстройка не может существовать без своей материальной основы, выраженной в институте собственности. История религии также подтверждает эту закономерность. Поэтому представляет значительный интерес исследование развития и трансформации института собственности религиозных объединений в СССР, как в виду обсуждения в настоящее время вопроса реституции, так и недостаточной изученности проблемы.

Работы советского периода, касавшиеся вопросов религии в СССР, исходили из господствующей атеистической партийной идеологии[1]. С 1990-х годов интерес к теме возрастает, и направленность исследований значительно расширяется[2]. В частности, М.В. Шкаровский серьезно обратился к вопросу церковного сопротивления государственной политике уничтожения религии и ее институтов. Т.А. Чумаченко на основе фактов опровергла миф об улучшении положения церкви в стране в послевоенный период. Однако основное внимание в исследованиях уделено положению Русской православной церкви (РПЦ). К тому же в отечественной историографии до последнего времени преобладал взгляд на антирелигиозную

[1] *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). М., 1975; *Куроедов В.А.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981; *Одинцов М.И.* Государство и церковь. (История взаимоотношений, 1917–1938 гг.). М., 1991; *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. 2-е изд., доп. М., 1984; и др.

[2] *Васильева О.В.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; *Васильева О., Кнышевский П.* Красные конкистадоры. М., 1994; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 2010.

борьбу КПСС и государства лишь как на борьбу идеологий, при этом затушевывалась экономическая составляющая этой борьбы – отъем огромной собственности, лишение религиозных обществ той экономической основы, которая была необходима для их деятельности. В настоящей публикации мы попытаемся показать положение собственности мусульманских общин Урала в советский период, отношение к ней со стороны власти.

В Российской империи законодательство защищало как частную собственность в целом, так и собственность религиозных обществ. Официально поддерживаемая Русская православная церковь владела тысячами десятин земли, монастыри являлись крупными хозяйствами[3]. Меньшую, но также значительную собственность имели и мусульманские общины. К 1917 г. в России проживало более 10 млн мусульман, действовало около 30 тыс. мечетей. В Оренбургской и Пермской губерниях к 1917 г. проживало 556 490 мусульман, посещавших 794 мечети[4]. Поскольку главенствующей религией в стране законодательно было определено православие, государство не выделяло средств на молитвенные дома для мусульман, как например, для строительства православных храмов. Мечети строились на средства верующих по их добровольному согласию. И в этой связи можно говорить об общенародном характере собственности мусульманских общин.

Существовали также мусульманские благотворительные общества, которые способствовали открытию и последующему развитию исламских учебных заведений (медресе и мектебе), организовывали курсы, литературные чтения, вечера, лекции, открывали бесплатные библиотеки и столовые, выделяли стипендии нуждающимся учащимся, деньги на издание книг, на помощь сиротам, на устройство похорон неимущих, на благоустройство кладбищ. Их масштабная деятельность опиралась на значительную материальную базу. К примеру, попечительский совет вакуфа[5] известного оренбургского предпринимателя А.Г. Хусаинова имел к 1915 г. вакуфного имущества стоимостью в 553 тыс. руб. За счет прибыли на благотворительные цели только в 1914 г. им было потрачено свыше 18 тыс. руб.[6]

Вакуфное имущество мусульманских общин в России, в том числе и на Урале, заключалось в земельных наделах, торговых лавках, мастерских, в зданиях медресе

[3] После 1917 года было национализировано и перешло в общенародное достояние 8 млн. 275 тыс. десятин земли, 424 476 млн руб. капитала, 84 завода (свечные и т.д), 1 816 доходных домов и гостиниц, 277 больниц и приютов, 436 молочных ферм и другое имущество РПЦ. (*Зыбковец В.Ф.* Указ. соч. С. 94).

[4] *Саматов Г.* Миллэтебездэ Ислам дине (Ислам в нашей нации, на татар.яз.). Казан, 1998. С. 130.

[5] Вакуф (*араб.* вакф, – буквально удержание) – это движимое и недвижимое имущество, земли, переданные или завещанные частными лицами мусульманской общине на религиозные и благотворительные цели. В странах Востока не отчуждается и не облагается налогом.

[6] Ислам на Урале: энциклопедический словарь. М.; Нижний Новгород, 2009. Вып. 5. С. 290.

и мечетей. В ведении Оренбургского магометанского духовного собрания, например, в октябре 1917 г. находилось 91 учреждение с вакуфным имуществом[7].

Декрет Совета Народных Комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января (2 февраля) 1918 г. устанавливал, что здания и предметы культа отчуждаются от религиозных обществ, для удовлетворения религиозных потребностей верующих передаются в бесплатное пользование религиозных обществ. Церковь отделялась от государства, упразднялись все прежние формы союза церкви и государства. Религиозные общества объявлялись частными, не пользующимися какими-либо преимуществами и субсидиями от государства. Таким образом, произошла экспроприация церковной собственности, все церковное имущество, недвижимость объявлялись народным достоянием. Еще раньше, по декрету о земле, была национализирована земля монастырей и церквей. А статья 12 декрета от 20 января 1918 г. прямо запрещала религиозным организациям владеть какой-либо собственностью, а также лишала их прав юридического лица. Декрет запретил принудительные взыскания сборов и обложений в пользу религиозных обществ, меры принуждения или наказания с их стороны в отношении верующих[8].

Сильнейшим ударом по собственности церкви стало массовое изъятие церковных предметов из золота и драгоценностей в ходе объявленной кампании по борьбе с голодом в 1921–1922 гг. Однако религиозные здания были сохранены в пользовании общин, которые продолжали свою деятельность.

По мере укрепления советского государства оно переходило к более решительным действиям по устранению религии из жизни общества. Для этого активно использовались меры по налогообложению. По замечанию К. Писенко, «посредством жестокого налогового бремени государство пыталось материально задушить религиозную жизнь в стране. Практика обложения культовой деятельности берет свое начало именно в советские годы»[9]. В сентябре 1929 г. Наркомфин особым циркуляром ввел промысловый и подоходный налог на продажу свечей, просфор и т.п. в молитвенных зданиях. Налог со строений, предназначенных для богослужебных целей, был повышен с 1/8 до 1/2 процента стоимости строений по оценке Госстраха. За неуплату налога в срок предусматривалось опечатывание зданий[10]. За подобное нарушение могли изымать здание религиозной общины. Так,

[7] *Климович Л.И.* Ислам в царской России. М., 1936. С. 97–109; Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899. С. 46–47.

[8] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 371–374.

[9] *Писенко К.* Налоги и религиозные организации в истории России // Православие.RU: сайт. URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/237.htm (дата обращения: 23.08.2014).

[10] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

за неуплату земельной ренты и налога со строений была изъята Янычевская мечеть Верхне-Муллинского района Пермской губернии[11].

Государственная политика отличалась дискриминационным характером по отношению к религиозным общинам как хозяйствующим субъектам. Высшие партийные и советские органы принимали постановления, которые ставили религиозные общины в неравное положение с государственными и кооперативными хозяйствующими субъектами. 28 декабря 1923 г. НКВД утвердило циркуляр № 467, по которому страховые премии за сгоревшие молитвенные здания ни в коем случае не должны были выдаваться группам верующих, а поступать в ведение исполкомов. На основании этого циркуляра Уральский облисполком объявил постановление Пермского окружного исполкома о зачислении и использовании этой премии действием вполне закономерным и не подлежащим отмене. Таким был ответ верующим села Окулово Оханского района на жалобу на действия Пермского окружного исполкома, направившего страховую премию, полученную после пожара мечети, в размере 50 процентов на строительство детского сада в городе и 50 процентов на ремонт жилья[12].

Борьба против религии в целом, ислама в частности, велась по всем направлениям: административному, идеологическому, политическому, финансовому, экономическому. В конце 1920-х годов начинается коллективизация. Обобществление результатов труда колхозника, жесткий контроль в колхозе за распределением урожая и полученного в процессе производства продукта, когда колхознику оставляли лишь минимум для жизни, все это лишало мусульманские общины возможности получить какую-либо натуральную или денежную помощь (*закят,* или обязательный налог в размере 1/40 от нажитого благосостояния за год, и *садака* – добровольное подаяние). Это серьезно экономически подрывало мусульманские общины.

В стране были закрыты и разрушены тысячи молитвенных зданий. К 1937 г. в СССР вместо существовавших до революции более чем 14 300 мечетей осталось 150[13]. Конфискованные здания мечетей по решению местных советских органов передавались под школы, клубы, в них размещали склады, зернохранилища, использовали их и под общежития, мастерские, в некоторых даже размещали морги, винно-водочные заводы. Часть религиозных зданий была просто разрушена. Фактически произошла окончательная экспроприация собственности религиозных обществ, в основе которой были народные пожертвования.

[11] Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р-883. Оп. 1. Д. 4. Л. 116.
[12] Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 797. Л. 24, 25.
[13] Мусульманин Прикамья. 2004. № 1 (10). С. 4.

Только в годы Великой Отечественной войны было сделано частичное послабление – разрешено открыть некоторые мечети. Однако общее число мечетей в стране не превышало трехсот. На Урале после 1945 г. – двенадцать[14]. В целом, по отношению к действующим религиозным общинам органы власти продолжали придерживаться жесткой запретительной линии. Так, руководство Оренбургской соборной мечети просило разрешить строительство при мечети нового дома для имама, а также устроить в отремонтированной секции подвального помещения мечети комнаты для молитвенных собраний женщин. Однако в этих просьбах общине было категорически отказано[15].

Мусульманские религиозные объединения несли все бремя по содержанию зданий и находились на полном самообеспечении. Финансы мечетей формировались из добровольных пожертвований и от исполнения религиозных обрядов. Материальные поступления могли быть и в форме подношения каких-либо вещей (ковры, посуда) и жертвоприношений скота.

Различного рода «внеплановые» материальные сборы с верующих пресекались уполномоченным Совета по делам религиозных культов (СРК). Доходы мусульманских мечетей находились под пристальным вниманием местных властей. Общины представляли ежемесячный отчет в райисполком, и через него – уполномоченному СРК. Комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при исполкомах Советов могли в любое время инициировать финансовые проверки общин.

С момента создания Советского Фонда мира в 1961 г. все мусульманские общины часть своих средств перечисляли на его счет. Формально подобные перечисления считались добровольными, на деле они являлись обязательными. Перечисляемые суммы были значительными, увеличиваясь год от года. Это позволяло партийно-советским органам изымать денежные средства религиозных обществ из прямых расходов на внутрицерковную деятельность. Челябинский облисполком в письме от 18 июля 1973 г. в районные и городские исполкомы в качестве одной из мер по усилению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных объединений предлагал всемерно поддерживать добровольные отчисления денежных средств религиозных обществ в Фонд мира[16]. Если в 1969 г. община мечети хутора Миасский города Челябинск направила в Фонд мира 7 тыс. руб., то в 1982 г. она перечислила в Фонд мира 19 тыс. руб., в 1983 г. – 17 тыс. руб., что составило соответственно 33,5 и 25,3 процента доходов мечети за

[14] *Хакимов Р.Ш.* Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий. Ислам и партийно-государственная власть на Урале в советский период (1917–1991 гг.). Челябинск, 2013. С. 323.
[15] Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. Р-371. Оп. 20. Д. 853. Л. 10.
[16] Архивный отдел Кыштымского городского округа. Ф. 3. Оп. 1. Д. 366. Л. 11.

1982 и 1983 гг.[17] Мечеть города Троицка направила в 1969 г. в Фонд мира 2 тыс. руб., тогда как с 1973 по 1979 год ежегодно перечисляла в Фонд мира уже по 4 тыс. руб., что составляло треть ее доходов[18]. Мечети Пермской области в 1971 г. перечислили в Фонд мира 2 тыс. руб., в 1975 г. – 5 500 руб., в 1982 г. – 10 500 руб.[19] Религиозные общества также уплачивали налог со строений, вносили плату в Госстрах, взнос в фонд охраны памятников культуры.

Подобное отношение государства, как отмечает А.Н. Марченко, можно определить как практику двойных стандартов[20]. С одной стороны, государство запрещало благотворительную деятельность религиозных общин, а с другой стороны, охотно пользовалось церковными финансами, перечисляемыми на «патриотическую деятельность».

Несмотря, однако, на антирелигиозную политику властей религиозное сознание в стране сохранялось. Верующие направляли свои пожертвования немногочисленным мечетям, доход которых неуклонно возрастал. Об этом было, в частности, сказано на Ташкентском совещании уполномоченных СРК в 1968 г.: «Нет ни одной области и республики, где бы не имелась тенденция к росту доходов объединений мусульман. В 1967 году мусульманский культ в целом по стране дал по сравнению с 1966 годом среди других культов наибольший процент роста доходов – 23 процента. Доходы мечетей за год выросли почти на 400 тысяч рублей и достигли 2 млн 154 тысяч рублей»[21]. Можно отметить, что подобное положение было и в Русской православной церкви, доходы которой с 1948 по 1957 год увеличились со 180 млн руб. до 667 млн руб. в год[22].

Вполне реальную основу имел приписываемый муфтию Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) Ш.Ш. Хиялетдинову ответ на вопрос иностранных журналистов: «Какая главная проблема ислама в СССР?» – «Некуда девать деньги…» Действительно, ДУМЕС и религиозные общины не могли покупать недвижимость, вести строительство новых мечетей, любой ремонт необходимо было согласовывать с органами власти, не могли проводить благотворительную деятельность, организовывать школы и вести обучение, проводить какие-либо мероприятия вне мечетей. Государство предоставляло

[17] Личный архив автора. Материалы 2011 года.

[18] Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1490. Оп. 1. Д. 363. Л. 110; Д. 373. Л. 41.

[19] *Михалева А.В.* История ислама в Пермской губернии, области, крае. Пермь, 2009. С. 53.

[20] *Марченко А.Н.* Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в Советском государстве (1918–1964-е годы) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2008. Вып. 24. № 15 (116). С.124.

[21] ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 18. Л. 92.

[22] *Марченко А.Н.* Указ. соч. С. 123.

возможность религиозной общине перечислять средства лишь на счета официально разрешенных фондов.

Нельзя не отметить, что в СССР был установлен, и даже закреплен в Конституции, приоритет государственной (общенародной) социалистической формы собственности над другими (колхозно-кооперативная, собственность общественных организаций, личная собственность граждан). В статье 10 было записано: «Государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее преумножения». Статья 11 устанавливала, что земля находится в исключительной собственности государства[23]. В органах МВД существовали специальные отделы и управления по борьбе с хищениями социалистической собственности. Данные преступления карались законом особенно жестко. В то же время, отстраненность религиозных обществ от государства, низкий контроль за финансами внутри общин приводили к частым финансовым нарушениям в религиозных общинах. К примеру, в 1954–1955 гг. наблюдались серьезные финансовые нарушения в Троицкой мусульманской общине. 3 июля 1955 г. в ДУМЕС была направлена телеграмма такого содержания по поводу председателя совета общины, присвоившего 30 тыс. руб.: «Мухаметшакиров сбежал от ревизии. Не принимайте отчетов. Обнаружена растрата. Выезжайте Тугузбаев. Материалы ожидайте почтой. Председатель ревкомиссии Фахретдинов»[24]. Последовали обращения общины в прокуратуру города Троицк, в Троицкий горком КПСС, Троицкий горсовет, к уполномоченному Совета по делам религиозных культов по Челябинской области Букрину, председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР И.В. Полянскому. Однако каких-либо данных о предпринятых мерах в отношении указанного обращения обнаружить в архивных фондах не удалось.

Объяснение подобному бездействию властей можно найти в том, что партийные комитеты, советские органы и их работники видели в религиозных общинах своих идеологических противников, соответственно этому и вели свою работу. Примечательно в этом отношении информация уполномоченного СРК по Оренбургской области П. Вдовина от 28 января 1960 г., направленная заместителю председателя облисполкома А.М. Данилову, где, характеризуя деятельность церкви в области за 1959 г., он пишет: «Мной получено 37 жалоб и заявлений. В 22 заявлениях содержатся жалобы на воровство в церкви. В этих заявлениях верующие возмущаются действиями старост, которые присваивают средства церкви. Вполне понятно, что такого рода жалобы оставались без последствия. Чем больше

[23] Конституция (Основной закон) СССР. М., 1977. С. 6.
[24] МБУ «Архив города Троицк». Ф. 20. Оп. 2. Д. 211. Л. 96.

будут "отвращать от церкви" подобные старосты, тем лучше для разложения прихода»[25].

Таким образом, следует признать, что по отношению к собственности мусульманских религиозных общин в советский период проявлялся дискриминационный подход. Их собственность была лишена двух основных признаков – владение и распоряжение. За общинами было оставлено только право ограниченного использования. Государственные и местные органы власти оставляли за собой право изъятия у общин здания церкви или мечети. Был установлен жесткий контроль над использованием финансов религиозных общин. Лишение и ограничение прав собственности было подчинено основной задаче – ограничению и ликвидации религии и всех ее институтов.

[25]Государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 387. Л. 59, 60.